

Глава 7. Терпя унижения

— Надо же, прилежная жена? — Се Нань смахнул с лица капли воды, глубоко вздохнул и медленно поднялся с пола. Ноги слегка подогнулись, но он устоял. Повернувшись к Лу Шэну, он глухо произнес: — Хорошо. Скажите, что я должен делать, и я подчинюсь. Сделаю всё, что потребуете.

Это была вынужденная уступка. Се Нань прекрасно понимал: пойдешь наперекор сейчас, упрямства ради, — и семья Лу живьем его съест. О возвращении домой тогда можно и не мечтать. Его просто запрут в четырех стенах этого поместья, лишив последнего глотка свободы. Уж лучше притвориться покорным, показать себя с хорошей стороны — глядишь, со временем ослабят хватку и позволят выходить в город. Любой разумный человек знает: зверя нужно гладить только по шерсти.

С утренним побегом через стену он явно поторопился. Своей поспешностью он лишь заставил обитателей усадьбы насторожиться. Хуже всего, что теперь настороже и Лу Шэн — единственный человек, на чью помощь Се Нань еще мог рассчитывать. Если и он закроется броней подозрений, выжить здесь станет почти невозможно.

Выждав удобный момент, Ю Вэньцзин сделала шаг вперед и вкрадчиво заговорила:

— Матушка, раз уж старшая невестка осознала свою вину и искренне желает исправиться, почему бы не воспользоваться случаем? Давайте научим его, как подобает ухаживать за мужем.

Договорив, она вновь покорно склонила голову.

Се Нань окинул её холодным взглядом.

Старая госпожа Лу, восседавшая на почетном месте, задумалась. Предложение показалось ей дельным.

— В твоих словах есть резон, — кивнула она. — Мужчины и женщины с малых лет учатся разным вещам. Но раз уж ты вошел в нашу семью как муж-невестка, придется освоить то, что должна уметь настоящая жена. Будешь прилежно ухаживать за супругом.

Се Нань стиснул зубы.

— Да, матушка, — глухо выдавил он.

Лу Шэн лишь мысленно усмехнулся.

«Ишь какой покорный стал. Наверняка опять что-то замышляет».

— Вэньцзин и Сяо Я вышли замуж раньше тебя и правила нашего дома знают прекрасно, — продолжала Старая госпожа Лу. — Я велю им по очереди наставлять тебя. Если же они станут плохо учить, можешь прийти ко мне и спросить сам.

Се Нань послушно склонил голову:

— Слушаюсь.

Раз уж он решил подчиниться, кривить душой и ломать комедию не стоило. И все же от мысли, что две женщины будут учить его ублажать мужика, Се Нань так и корбило. Но выбирать не приходилось.

Пока улаживали это недоразумение, подошло время ужина. Се Нань, немного подумав, отпросился в свои покои, чтобы сменить одежду. Он промок до нитки, а ведь раны от плети на спине еще даже не затянулись. Похолодевший от сырости, он всерьез опасался, что свалится в лихорадке. А если он угаснет, то некому будет бороться за его жизнь в этом чужом, затерянном во времени мире.

Он коснулся шеи — кожа там все еще горела от тупой боли.

«Чертов Лу Шэн, приложил же так приложил, ублюдок», — со злостью подумал Се Нань.

И тут его осенило: его узелок с вещами остался у этого негодяя! А ведь там лежал телефон.

«Нужно забрать свои вещи, чего бы мне это ни стоило».

Дверь тихо скрипнула, являя хозяина комнаты.

— Не удалось сбежать, и теперь ты меня люто ненавидишь? — раздался за спиной вкрадчивый голос.

Се Нань как раз застегивал пуговицы-узелки на вороте рубахи. Обернувшись, он наткнулся на высокомерный взгляд Лу Шэна и недовольно нахмурился:

— Что за бред ты несешь? Никуда я не бежал. Мне просто нужно было проверить одно место. И если бы ты не приложил меня по голове и не притащил обратно, я бы уже во всем убедился и вернулся.

— Надо же. Выходит, это я испортил тебе всю обедню? — Лу Шэн язвительно усмехнулся.

Се Нань промолчал, но весь его вид говорил красноречивее слов: «Да, именно так».

Верить Се Наню на слово Лу Шэн не собирался. Он небрежно указал на стол:

— А это как прикажешь понимать? Чтобы проверить какое-то место, незачем брать с собой узелок с вещами. Рассказывай кому-нибудь другому, что не пытался сбежать, прихватив ценности. Я не идиот.

— Верни мои вещи, — потребовал Се Нань.

— А если не верну? Что ты мне сделаешь? — с издевкой бросил Лу Шэн.

— Ты... — Се Нань шумно выдохнул, заставляя себя успокоиться. — Если не вернешь, я и вправду ничего не смогу сделать. Но какая тебе от этого выгода? Там лежат лишь мои личные вещи. То, что принадлежало мне еще до того, как я очутился здесь.

Лу Шэн прищурился.

— Не верю.

С этими словами он швырнул узелок на стол и резким движением развязал концы. Внутри лежал аккуратно сложенный синий западный костюм. Лу Шэн нахмурился еще сильнее и встряхнул ткань. На стол посыпались три вещицы: связка ключей, черное портмоне и прямоугольный брусок из темного гладкого пластика — совершенно непонятное устройство. Одно было ясно наверняка: ни этот щегольской костюм, ни эти странные предметы не принадлежали семье Лу и уж точно не входили в свадебные дары. Получается, обвиняя Се Наня в краже приданого и побеге, он действительно ошибся?

Не давая ему опомниться, Се Нань выхватил со стола телефон. Из всего содержимого узелка этот аппарат был для него дорожее всего. Вот только выдержит ли современная электроника испытание проливным дождем? Включится ли он вообще?

— Что это за штука? — спросил Лу Шэн, провожая взглядом его руку.

— Не твое дело, — отрезал Се Нань.

Лу Шэн недовольно хмыкнул, и его взгляд стал угрожающим.

— Поубавь спесь. Не забывай, кто ты теперь. Раз уж ты принадлежишь мне, то и вещи твои — мои. Я имею полное право знать, что это такое.

Он резко подался вперед, властно перехватил ладонью подбородок Се Наня и ледяным тоном добавил:

— И заруби себе на носу: в этом поместье твоя единственная опора — я. Пока я не дал тебе разводное письмо, тебе от семьи Лу никуда не деться. Твоя жизнь и смерть — в моих руках.

Се Нань яростно уставился на него, стиснув зубы, и с силой оттолкнул его руку.

— Даже если скажу — не поймешь. Это телефон. Если проще — устройство для связи. Из-за ливня он, скорее всего, приказал долго жить, так что теперь от него толку не больше, чем от кирпича.

— Хм. Впредь советую отвечать на мои вопросы честно и без уверток, — хмуро бросил Лу Шэн.

Се Нань смерил его угрюмым взглядом, спрятал сокровище во внутренний карман рубахи и тихо процедил:

— Ладно.

Сейчас ссориться с Лу Шэном было верхом глупости. Приходилось глотать обиду.

Видя, как этот строптивец вынужден склонить голову, Лу Шэн ощутил злорадное удовлетворение. Ему жутко претило чужое стремление любой ценой вырваться на свободу. Раз уж Се Нань переступил порог усадьбы в красном наряде, то без разводного письма он до конца дней останется его женой, куда бы ни сбежал. И дело вовсе не в том, что Лу Шэн воспылал к нему чувствами. Вовсе нет. Он просто хотел держать Се Наня под боком, чтобы выяснить, так ли тот невинен, как пытается казаться, или же вся эта история — изощренная ловушка. Если подтвердится худшее, Лу Шэн самолично выставит его за ворота с позором и упечет в тюрьму. Свадебные дары семьи Лу даром никому не достаются.

События мало-помалу сплетались в тугой узел. То, что начиналось как нелепая ошибка, грозило обернуться ураганом чувств, а нити, связавшие этих двоих, оказались куда прочнее, чем казалось на первый взгляд.

Ужин, по обыкновению, накрыли для всей большой семьи. Младшие господа вернулись сегодня пораньше, успев как раз к подаче блюд. Судя по их снисходительным усмешкам, слухи о дневном происшествии уже разлетелись по всему поместью. На Се Наня они посматривали с нескрываемым презрением.

Се Нань мысленно отмахнулся от этих взглядов. Плевать. За день он измотался так, что едва держался на ногах, а в пустом желудке давно урчало. Сейчас хотелось только одного: набить

брюхо и поскорее добраться до постели.

— Кхм... Кхм... — раздалось за столом.

Под столом Се Нань почувствовал легкий пинок. Он в недоумении поднял глаза на сидящего рядом Лу Шэна, но тот с самым невозмутимым видом продолжал трапезу, словно он только что не пнул его.

Стоило Се Наню снова потянуться к палочкам, как со стороны Старой госпожи Лу донеслось громогласное покашливание. Намек был шит белыми нитками. Се Нань далеко не глуп и сразу смекнул: спокойно поужинать ему сегодня не дадут.

— Твои невестки вошли в нашу семью раньше, — веско, с нажимом произнесла Старая госпожа Лу. — Понятно, что многого ты еще не знаешь. Но ведь у тебя есть глаза! Смотри и учись у других.

Ни у кого за столом не возникло сомнений, кому адресован этот упрек.

Се Нань скосил глаза в сторону невесток. Ах, вот в чем дело! Теперь понятно, почему на него так ополчились. Две добродетельные жены всю «обхаживали» своих мужей. Одна увлеченно выбирала косточки из нежного рыбного филе, аккуратно складывая чистые кусочки в пиалу супруга, а вторая бережно подносила к губам суженого ложку с бульоном, ласково поддувая на горячее.

Старая карга явно требовала от него того же.

«Она хочет, чтобы я кормил Лу Шэна с ложечки?!» — Се Наня захлестнула волна глухого раздражения.

Он в жизни родных родителей так не баловал, а тут...

Сглотнув подступившую к горлу ругань, он налил в пиалу супа, зачерпнул полную ложку, тщательно подул на нее и невозмутимо поднес к лицу Лу Шэна.

Разговоры за столом разом смолкли. Все замерли, наблюдая за этой сценой. Младшие братья со своими женами уставились на них во все глаза — зрелище двух взрослых мужчин, разыгрывающих семейную идиллию, казалось им диковинным и нелепым. Старая госпожа довольно сощурилась, а юные служанки, стоявшие у стен, смущенно потупили взоры, залившись румянцем.

Лу Шэн приготовился к очередной вспышке упрямства, но Се Нань на удивление покладисто преподнес ему ложку. Бульон был идеально остужен. Повинуясь странному порыву, Лу Шэн приоткрыл рот и послушно сглотнул. Горячая жидкость обожгла горло и приятным теплом

разлилась по желудку, странным образом умиротворяя разбушевавшиеся за день нервы.

За первой ложкой последовала вторая, затем третья... Пока пиала полностью не опустела.

Се Нань кормил его безучастно, словно монотонно выполнял скучную работу. Лу Шэн же упорно избегал его взгляда. Когда суп закончился, пальцы Лу Шэна под столом наконец разжались. Кожу обдал легкий сквозняк — ладонь, как оказалось, была насквозь мокрой от пота.

— Сяо Цзюй, — подала голос Старая госпожа Лу, — с этого дня будешь неотлучно находиться при Старшей молодой госпоже. Он у нас человек новый, уклада нашего не знает. Твоя помощь придется как нельзя кстати.

— Слушаюсь, старая госпожа, — склонилась служанка.

Се Нань помрачнел. Красивые слова о «помощи» не могли обмануть его — к нему просто приставили соглядатая. И ведь не откажешься. Поистине: пришел под чужой навес — пригибай голову.

Окончив ужин, они вернулись в Павильон у воды. Сяо Цзюй послушной тенью следовала за ними. Се Нань прекрасно помнил эту девчонку. Воспоминания, правда, были скверными: именно она в ту злополучную ночь подлила ему в питье дурманящее снадобье, лишившее его разума и толкнувшее в постель Лу Шэна.

Они переступили порог Павильона у воды. В комнате повисла неловкая тишина. В ночной тишине мысли невольно путались и уносили бог весть куда. К счастью, покои были просторными: Се Нань сразу направился к кровати в левой половине комнаты, а Лу Шэн устроился за письменным столом в правой. Круглый стол, стоявший посередине, служил невидимой границей, позволяя обоим делать вид, будто они не замечают присутствия друг друга.

— Старшая молодая госпожа, вам еще рано ложиться, — раздался тихий, но настойчивый голосок Сяо Цзюй. Девчонка бесшумно проскользнула в комнату. — Молодой господин весь день в заботах и очень устал. Как супруг, вы обязаны облегчить его труды: раздеть перед сном и потереть ему спину в купальне.

Се Нань мысленно выругался трехэтажным матом, но лицо его осталось бесстрастным.

На другом конце комнаты Лу Шэн, сделав вид, будто увлечен чтением, насторожил уши. Вообще-то он терпеть не мог эти пережитки прошлого. Все эти душные правила вроде «трех покорностей и четырех добродетелей», коими веками морили женщин, в новом веке казались

ему дикостью.

Но сейчас... Скосив глаза на застывшего у постели Се Наня, Лу Шэн смолчал. Останавливать служанку он не стал. В конце концов, в супружеской спальне подобные заботы — дело самое обыкновенное.

— Хорошо, — Се Нань медленно поднялся и подошел к столу. — Иди умывайся. Я потру тебе спину.

Лу Шэн с деланным равнодушием отложил книгу, лениво потянулся и поднялся с кресла:

— Что ж, идем.

Проводив их взглядом за ширму, Сяо Цзюй довольно улыбнулась.

— Я пойду, приготовлю все к вашему отдыху, — негромко крикнула она.

Убедившись, что шаги затихли, она тут же юркнула к круглому столу. Она ловко извлекла из-за пазухи бумажный сверток. Девчонка приподняла крышку фарфорового чайника и высыпала внутрь белый порошок. Слегка взболтав воду и прислушавшись к доносившемуся из-за ширмы плеску, она бесшумно выскользнула за дверь.

«Уж простите меня, молодой господин и молодая госпожа, — мысленно вздохнула она, закрывая за собой дверь. — На то воля Старой госпожи, хочет она, чтобы вы поскорее поладили. А я лишь подневольный человек».

Обустривая Павильон у воды, Лу Шэн распорядился установить в купальне просторную чугунную ванну по последней европейской моде. Сейчас она была до краев наполнена горячей водой, и клубы густого пара скрывали очертания комнаты.

Се Нань, намылив жесткую ткань, принялся методично тереть широкую спину Лу Шэна. Тот блаженно прищурился от удовольствия.

— Эй, может, тоже залезешь? — лениво предложил Лу Шэн.

Рука Се Наня замерла. Лу Шэну потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, в чем дело.

— Ах, точно... У тебя же спина разодрана, в воду соваться нельзя. Ты сегодня весь день на ногах провел, раны не открылись?

— Всё, закончили. Я ухожу, — Се Нань швырнул мокрую ткань на бортик ванны и, не оборачиваясь, вышел из купальни.

Внутри у него всё клокотало от ярости. Тратить силы на пустую болтовню с этим напыщенным индюком не хотелось совершенно.

Умом он понимал, на что шел, но одно дело — строить планы умозрительно, и совсем другое — прислуживать барину в ванне. Современному человеку такая покорность поперек горла стояла. Мысли о пережитых за день унижениях жгли душу, гнев требовал выхода. Но Се Нань вовремя прикусил язык, понимая, что срываться на Лу Шэна сейчас смерти подобно. С трудом удерживая себя в руках, он поспешил убраться прочь, оставив супруга недовольно кривиться ему вслед.

Задыхаясь от злости, Се Нань подошел к круглому столу и налил себе чаю. Сделав несколько жадных глотков, он почувствовал, как жар в груди немного утих. На ватных ногах он поплелся к кровати. Спина нещадно ныла, в висках застучала тяжелая, мутная боль. В голове мутилось — похоже, к ночи его опять накроет лихорадка.

Вскоре из купальни вышел и Лу Шэн. Он тоже пребывал в скверном расположении духа. Ему и раньше доводилось встречать строптивых упрямцев, но ни у кого не получалось довести его до белого каления так быстро и виртуозно, как у этого мальчишки. Налив себе остывшего чаю из того же чайника, Лу Шэн осушил чашку. Напряжение постепенно отпустило его, оставив лишь странную истому.

Взглянув на постель, он заметил, что Се Нань уже лежит под одеялом. Лицо его было бледным, губы искусанными, а лоб покрывали мелкие капли пота.

Запахнув посильнее шелковый халат, Лу Шэн подошел ближе, чтобы проверить, не стало ли беглецу хуже.

Но стоило его пальцам коснуться горячего плеча Се Наня, как внизу живота внезапно полыхнуло неистовое, удушливое пламя. Разум заволокло туманом, а рука, словно чужая, намертво прильнула к разгоряченной коже.

Дыхание обоих сделалось прерывистым и тяжелым. Сквозь лихорадочный бред Се Нань почувствовал, что происходит нечто ужасное. Боль в растерзанной спине обожгла сознание, но опомниться он не успел: тяжелое тело подмяло его под себя, безжалостно вжав в матрас. Он попытался закричать, но настойчивые, влажные губы накрыли его рот, удушая любой звук.

Лу Шэн смутно понимал, что творит насилие, но вид мечущегося под ним Се Наня, его сдавленные стоны и жар, исходивший от его тела, окончательно лишили его воли. Рассудок угас, оставив лишь первобытную, неутолимую жажду.

Мир сузился до границ этой постели. В безумном сплетении тел, жаре и боли растаяли

последние крохи разума, уступив место бесконечной ночи грехопадения.

Когда на следующее утро Лу Шэн открыл глаза, первое, что он понял — дело дрянь.

<http://bllate.org/book/20305/2131583>